

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра теологии и религиоведения

Нравственное значение святых в православной теологии
АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ
БАКАЛАВРА

студентки 4 курса 451 группы
направления 48.03.01 «Теология»
профиль «Православная теология»
философского факультета
Скуратович Хамиды Ануаровны

Научный руководитель
доцент кафедры теологии и религиоведения,
кандидат философских наук, доцент _____

М.В. Каткова

Заведующий кафедрой
профессор кафедры теологии и религиоведения,
доктор философских наук, доцент _____

М.О. Орлов

Саратов 2019

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

В начале VI века преп. Варсонофий Великий писал одному уставшему и удрученному подвижнику: «Я говорю в присутствии Христа, и я не лгу, что я знаю слугу Божьего, в нашем поколении, в настоящее время и в этом благословенном месте, который может...поднять мертвых во имя Иисуса, нашего Господа, который может изгонять демонов, лечить неизлечимых больных, и выполнять другие чудеса не меньше, чем апостолы...» (письмо 90¹). В христианском мире поздней античности и раннего средневековья верующие укреплялись в следовании евангельским заповедям посредством ожиданий и убеждений, что в их время, в их регионе, вблизи от бед и тревог переходного времени некоторые из их соотечественников, жителей того же города достигли (как правило, посредством долгого, хотя, возможно, и незаметного аскетического делания) исключительной степени близости к Богу. Бог принял их не как рабов, а как сыновей (Гал. 4:7), слышит их молитвы, возносимые от имени большинства христиан, чьи грехи удерживают их на дистанции от их Создателя. Живое присутствие святых накладывало глубокий отпечаток на процессы христианизации античной цивилизации и варварских народов, превращая Евангелие из набора слов в неоспоримую реальность.

Сегодня человеческая цивилизация находится в состоянии нового транзита, который можно охарактеризовать как переход от материальных средств производства (сельское хозяйство, промышленность, энергетика) к нематериальным (производство информации, существующей в цифровом виде). Атакуемое со всех сторон адептами различных политических и общественных учений и идеологий, современный человек более критически, чем в предшествующие столетия, относится к поступающей к нему информации. Те, кого раньше называли мучениками и самоотверженными служителями

¹ Barsanuphius and John. Letters. In 2 vol. Vol. 2 (Fathers of the Church Patristic Series. Vol. 113). – Washington, 2006. – P. 111.

преподаваемого слова, сегодня получают имя фанатиков и фундаменталистов. Те, кому их мудрость или место в духовной иерархии обеспечивали духовный авторитет, сегодня таким авторитетом не обладают, поскольку глобальный мир обеспечивает всемирный обмен информацией, но не может обеспечить личное знакомство всех желающих с потенциальным носителем духовного авторитета.

Античность, Средневековье, раннее Новое время дали христианской Церкви значительное количество святых, чья жизнь была связана с их служением Церкви и своим народам, просвещению, укреплению начал христианской нравственности в обществе. Это благоверные правители (цари, князья, например, равноапостольные царь Константин, княгиня Ольга, князь Владимир, благоверный князь Александр Невский), учёные святители и монахи (равноапостольные Кирилл и Мефодий, митрополит Алексей Московский, епископы Иннокентий Пензенский, Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник), иконописцы (Феофан Грек, Андрей Рублев), самоотверженные пастыри и духовные лидеры (Сергий Радонежский, патриарх Гермоген, Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский). Все эти святые были прославлены церковным народом в эпоху Российской империи (хотя официальная канонизация некоторых из них состоялась только в конце XX века). Если обратиться к истории XX-XXI веков, то можно увидеть, что несмотря на большое количество русских святых, просиявших в это время, всенародное признание (т.е. за пределами локального почитания) не получили ни духовные лидеры (патриарх Тихон, архиепископ Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский), ни благоверные государственные деятели (княгиня Елизавета Федоровна), ни просветители-богословы (свт. Иларион Троицкий, а также не имеющий признания в качестве святого Николай Пестов). В то же время признание получили те святые, которые почитаются в первую очередь как чудотворцы и помощники в болезнях – блаж. Матрона Московская и свт. Лука Войно-Ясенецкий.

Критики Православной Церкви часто упрекают православных пастырей и верующих в том, что в современной церковной среде почитание передается

святым, образ жизни которых является уникальным, недоступным для современного горожанина (юродивые, отшельники) и потому не может являться всеобщим значимым нравственным образцом. В религиозном воспитании детей и молодежи часто можно встретить практику, когда взрослые подводят детей к мощам и иконам святых не в качестве примера для подражания, а как к гаранту земного благополучия, не объясняя, почему тот или иной святой получил от Бога право слышать молитвы верующих и ходатайствовать за них. Святость человека превращается в нечто магическое, сказочное, невозможное в повседневной жизни христианина, но полезное для него с точки зрения того, к какому святому в каких нуждах обращаться. Мы видим, что это понимание находится очень далеко от раннехристианского убеждения о том, что святые живут рядом с ними, и что к святости призван каждый верующий. В результате христианская проповедь, христианское образование снижают силу своего воздействия на верующих, которые даже не пытаются воплотить свои убеждения в жизнь, считая это прерогативой неких сверхъестественных существ – святых. Как итог, происходит дехристианизация общественной и культурной жизни при внешнем сохранении приверженности к атрибутам веры предков.

Вопрос о том, кто такие святые, и что значит – быть святым – по своему значению сводится к тому – может ли Евангелие быть воплощено в современном мире? Современные народные представления о святых, к сожалению, способствуют тому, что святость становится сверхъестественным явлением, а значит, исполнение Нагорной проповеди и прочих заповедей Нового Завета не является обязательным для тех, кто называет себя православным христианином. Укрепление и развитие христианской жизни внутри Православной Церкви требует повышения интереса к вопросам святости и святым не только как к молитвенным ходатаям, но и как к нравственным образцам. В связи с этим становится актуальным вопрос: какое нравственное значение имели святые в ранней Церкви и как святые вновь могут занять место нравственных авторитетов в современном христианском

обществе, через какие формы воздействия происходит передача нравственных ценностей от святых к верующим.

Степень разработанности проблемы

Развитие теологического образования в России, активное обсуждение проблем православной педагогики, преподавания модуля «Основы православной культуры» в рамках предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» нельзя представить без постоянного обращения к христианским святым – как в качестве носителей православной богословской и педагогической традиции, так и в качестве нравственных образов и примеров, с помощью которых учителя и педагоги передают христианские ценности учащимся общеобразовательных и воскресных школ. Феномен почитания святых со второй половины XX века привлек внимание как отечественных, так и западных исследователей. Здесь в первую очередь необходимо отметить работы Г.П. Федотова, П. Брауна, А. Воше, В.Н. Топорова, С.А. Яцык, М.В. Дмитриева, Т.В. Пешковой и Т.В. Быковой. С обсуждением значения фигуры святого в современном мире связаны имена таких авторов, как С. Вольф, Э. Вышогрод, Р. Адамса, Р. Эллсберга, Ф. де Ланге. Важный вклад в осмысление и систематизацию православной духовной традиции, в том числе представления о святости, внес Н.Е. Пестов.

Наибольший интерес в современной литературе привлекают те аспекты почитания святых, которые связаны с литургической жизнью Церкви (прот. Г. Рой), канонизацией святых (прот. В. Воробьев, игумен Дамаскин Орловский, И.О. Чурина, Т.В. Юрьева, М.В. Каиль), социально-политическими отношениями (О.М. Кудина), агиографией как особым литературным жанром (Л.Г. Дорофеева, И.В. Семененко-Басин). Значительное внимание в отечественной теологии и педагогике уделяется использованию образов и житий святых в духовно-нравственном воспитании. В этом контексте можно назвать работы А.И. Майстренко, С.М. Кравченко, Д.В. Новикова, Л.Н. Урбанович, С.Т. Погорелова, Н.И. Лихоманова, Е.К. Макаренко, З. Иноземцевой.

В то же время в отечественной литературе ощущается значительный недостаток работ, посвященных проблеме того, каким образом и в какой мере святые являются примерами для нравственного подражания. В частности, в работе иером. Игнатия (Юрченкова) – одной из немногих богословских работ, в которой раскрывается значение святых как славы Христа, – автор опирается на работу исключительно зарубежных авторов или русских богословов Зарубежья².

Цель и задачи исследования

Целью работы является выявление различных форм воздействия христианского почитания святых на нравственное состояние верующих. В соответствии с поставленной целью в работе ставятся следующие задачи:

1. дать анализ учения Священного Писания о святых как нравственных примерах;
2. раскрыть историю развития почитания святых как примеров христианского поведения в ранней Церкви;
3. определить основные подходы к пониманию нравственного значения святости в современных исследованиях;
4. сформулировать предложения по формам и направлениям обращения к образам святым как образцам нравственности, в соответствии с православным вероучением.

Объект исследования

Объектом исследования является нравственное измерение почитания святых и нравственное воздействие святых на верующих.

² Игнатий (Юрченков), иером. Христоцентрический смысл почитания или освятительно-ходатайственный характер почитания [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургская духовная академия [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://spbda.ru/publications/ieromonah-ignatij-yurchenkov-pochitanie-svyatyh-v-hristianskoj-cerkvi/> (дата обращения 27.11.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

Предмет исследования

Предметом исследования выступают предусмотренные Священным Писанием и представленные в истории Церкви формы нравственного воздействия святых.

Методология исследования

При написании работы и изучении темы были использованы общенаучные методы: диалектический, метод формальной логики – описание, сравнение, классификация, анализ и сопоставление, – структурно-функциональный, системный, а также специфические теологические методы – экзегетический и текстологический методы анализа Священного Писания.

Научная новизна исследования

Научная новизна данной работы состоит в том, что в ней представлены выявленные в ходе анализа текста Священного Писания, церковной и исторической литературы исторические формы почитания святых как примеров нравственности. В работе предложен оригинальный подход к раскрытию нравственного значения образов святых на основе православной традиции.

Положения, выносимые на защиту

При подготовке работы были сформулированы выводы, которые выносятся на защиту, а именно:

1. Священное Писание в целом не содержит позитивных примеров подражания одних людей другим как нравственным образцам. Выражения, обозначающие подражание, используются, как правило, в контексте подражания язычникам и вообще злу (Ветхий Завет), лицемерам (Новый Завет). Единственный пример для подражания, который предлагается людям – это Иисус Христос. В то же время книга Премудрости Соломона и послания апостола Павла указывают на необходимость подражания добродетели или святым, при этом праведная жизнь возможна только через сопричастность Премудрости или Христу, поэтому подражание святым означает подражание Христу, чей образ святые реализуют в своем поведении.

2. В ранней Церкви почитание мучеников было связано с тем, что они были теми, кто в наиболее полной мере подражал безвинным страданиям Христа. При этом мученики оставались в целом равными простым верующим, и воспоминание их памяти имело значение семейной трапезы у гробницы. В IV веке под влиянием социальной практики патроната, распространившейся в поздней Римской империи, святые стали восприниматься в качестве заступников и покровителей городов и отдельных людей, при этом условием покровительства святого была нравственная жизнь верующего. Одновременно изменилось значение обретения и переноса мощей, которые стали восприниматься в качестве свидетельства о присутствии Божественной милости и благодати, носителями которой стали святые. Таким образом, нравственное значение святости обрело дополнительные, косвенные характеристики наряду с непосредственным подражанием их жизни.

3. В современной светской и церковной литературе, посвященной изучению нравственного значения феномена святости, общим мнением является необходимость присутствия в мире святых, которые облагораживают нравственную атмосферу в обществе самим фактом своей жизни. При этом делаются попытки (в том числе в рамках православной педагогики) отделить святость от религиозного контекста и превратить её исключительно в нравственный феномен в рамках патриотического воспитания. Постепенно снижается значение нравственного воздействия святых как покровителей отдельных мест и людей, что является отражением изменившихся социальных представлений о покровительстве, и святые постепенно превращаются в покровителей тех или иных ценностей и сфер жизни.

4. В рамках православной традиции, предполагающей подражание святым, а также укрепление нравственности через явление святыми Божественного присутствия, предлагаются три направления раскрытия нравственного значения образа святых в современном обществе. Первый связан с обращением к внутреннему миру святого во всей его сложности и раскрытием возможности прощения Богом прежних грехов и ошибок. Второй связан с

осознанием возможности различных путей к святости, не сводимых к традиционной монастырскому образу жизни. Третий опирается на православное учение о ступенях святости, которое устанавливает переходные состояния святости и тем самым устраняет непроходимую пропасть между святыми и обычными верующими.

Теоретическая и методологическая значимость исследования

Теоретическая значимость исследования обусловлена проведенным экзегетическим анализом отношения Священного Писания к феномену подражания, а также введением в научный оборот материалов западных дискуссий о значении святости в современном мире. Методологическая значимость исследования заключается в наличии нового подхода к раскрытию нравственных аспектов и нравственного значения образов святых, которые позволяют устранить дистанцию между святыми и обычными верующими. Предложенный подход может быть использован в рамках преподавания модуля «Основы православной культуры», воскресных школ, подготовке публицистических и гомилетических материалов.

Апробация результатов исследования осуществлялась на выступлениях в ежегодной всероссийской научно-практической конференции по гуманитарным и социальным наукам «Человек в цифровом пространстве: онтология участия и культура взаимодействия». По результатам данной конференции планируется печать статьи в сборнике по теме «Почитание святых в ранней Церкви: нравственный аспект».

Структура и объем работы

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав (4 параграфа), заключения и списка использованных источников (60 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Почитание святых как примеров нравственного поведения в православной теологии» состоит из двух параграфов и направлена на анализ становления различных форм почитания святых в контексте христианской нравственности.

В **первом параграфе** «Подражайте мне, как я Христу». Священное Писание о значении нравственного подражания святым» рассмотрено отношение Библии к феномену нравственного подражания святым. В канонических книгах Ветхого Завета выражения, связанные с подражанием одних людей другим, используются исключительно в отрицательном значении. В наиболее древних книгах в стихах, где в Синодальном переводе используется глагол «подражать», в еврейском и 1реческом текстах используются обороты, обозначающие «делать их дела». «Не поклоняйся богам их, и не служи им, и не подражай делам их» (в еврейском и 1реческом буквально – не делай дела их) (Исх. 23:24). Вааз делал зло «пред очами Господа, раздражая Его делами рук своих, подражая дому Иеровоамову» (3 Царств. 16:7): в еврейском и 1реческом используется оборот, связанный с глаголом «быть» – *gyn* (номер Стронга 1961), в греческом – *eivaı kata*, т.е. «быть согласно чему-то».

В книги Притч для обозначения подражания используется глагол «чтт» (номер Стронга 7291), переведенное в Синодальном переводе как «подражать», буквально обозначало «преследовать, гнаться, стремиться» (в греческом переводе «биикси» – гнать, преследовать), что придавало подражанию оттенок активной соревновательности, который сохранился в раннехристианской литературе. «Кто возделывает землю свою, тот будет насыщаться хлебом, а кто подражает праздным, тот насытится нищетою» (Притч. 28:19). Наконец, в 3-й книге Ездры, написанной, предположительно, в Палестине, т.е. в традиционной древнееврейской среде, подражание дважды указывается в негативном контексте. «Ты (т.е. Асия) подражала ненавистному во всех делах и предприятиях его» (3 Ездр. 15:48); «...не подражайте неправде и делам ее» (3

Ездр.16:52).

В Евангелии выражения, связанные с подражанием или уподоблением, также используются в негативном контексте. Многие евангельские поучения строятся по принципу: не будьте (не уподобляйтесь), как книжники, фарисеи, язычники, а делайте так-то. «Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры... У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая...когда молишься, не будь, как лицемеры... Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне... А молясь, не говорите лишнего, как язычники...не уподобляйтесь им» (Мф. 6:2-8). «Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» (Мф. 20:25-26). Указания на уподобления и подражания встречаются в прямом обличении книжников и фарисеев. «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите фобницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избili пророков; дополняйте же меру отцов ваших» (Мф. 23:29-31). В данном непросто́м для толкования отрывке можно выявить следующий смысл: Христос не упрекает фарисеев в том, что они не подражают пророкам, хотя почитают их память и строят им гробницы: Он упрекает их в том, что они продолжают подражать своим отцам.

В Евангелии присутствует ряд мест, которые можно было бы счесть использованием подражания и уподобления в позитивном контексте. «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48), «Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16), а также многочисленные сравнения Царства Небесного (горчичное зерно, хозяин – наниматель работников в винофа́дник и т.д.). Однако легко заметить, что в данных случаях нет подражания одних людей другим: одной из

сторон сравнения выступает нечеловеческая сущность (Бог, голубь, Царство Небесное). Единственным примером для подражания Христос указывает Самого Себя: «...ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам» (Ин. 13:15).

Негативное отношение к феномену нравственного подражания одних людей другим может быть обусловлено двумя факторами. Во-первых, Священное Писание – это история непосредственного общения Бога (лично или через пророков) с Его народом, когда Бога Сам давал наставления в нравственной жизни, которую Он ждал от людей. Во-вторых, значительная часть Священного Писания – это история выбора, когда народ в целом или его отдельные представители определяли для себя, жить ли им согласно Божественным требованиям, либо по человеческим традициям (либо в форме собственной интерпретации Закона, либо прямого язычества). В этих условиях выделение любого человека в качестве образца для подражания могло привести к отклонению от чистого богопочитания. Акцент на единственности и трансцендентности Бога, призванный искоренить из израильского народа тенденции к идолопоклонству, исключало уподобление Ему или наличие людей, приблизившихся к Нему в святости.

В связи с этим передача нравственных ценностей основывалась не на позитивных моделях поведения, а на изучении Закона. Что касается мудрых и праведных, то учительные книги Ветхого Завета предлагали учиться у них мудрости, а не подражать им. «Бывай в собрании старцев, и кто мудр, прилепись к тому; люби слушать всякую священную повесть, и притчи разумные да не ускользают от тебя» (Сир. 6:35). Нравственное поведение основывается на мудрости, а мудрость является ценностью, которую учительные книги настойчиво рекомендовали обрести, а царь Соломон просил у Бога.

В книге Премудрости Соломона и посланиях апостола Павла подражание упоминается в позитивном контексте, связанном с эллинистической культурой и понятием добродетели. «Когда она (т.е. добродетель) присуца, ей подражают,

а когда отойдет, стремятся к ней: и в вечности увенчанная она торжествует, как одержавшая победу непорочными подвигами» (Прем. 4:2). Книга Премудрости Соломона связывает добродетели через причастность особой сущности – Премудрости Божией. Аналогично ап. Павел связывает возможность праведности и через соединение человека со Христом, Который действует через человека. Вера во Христа и Его преображающую человека силу означает, что подражая Христу, верующие также должны подражать Ему, когда Он являет Себя через Своих Святых, причастных Ему. Ап. Павел настойчиво проводил мысль о необходимости верующих подражать Христу подобно тому, как делал сам апостол. «И вы сделали подражателями нам и Господу...» (1 Фес. 1:6); «Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу. Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе, как я учу везде во всякой церкви» (1 Кор. 4:16-17); «Будьте подражателями мне, как я Христу» (1 Кор. 11:1); «Подражайте, братия, мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас» (Флп.: 3:17); «Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте, – и Бог мира будет с вами» (Флп.: 4:9).

Важным аспектом христианских представлений о подражании святым, было то, что безусловной основой святости для праведников всех знох, включая ветхозаветную, является только Христос. В послании к Евреям про пророка Моисея говорится, что когда он отказался называться сыном дочери фараоновой, и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное феховное наслаждение, он счел для себя «поношение Христово» большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища (Евр. 11:25-26). Мысль о том, что ветхозаветные праведники подражали Тому, Кому было суждено родиться после них, стало основой для типологического метода толкования Ветхого Завета в христианской экзегетике. Иоанн Златоуст, вспоминая жертвоприношение Исаака, описывал характер и поведение сына Авраама следующими словами: «Кто из вас не дивится его благоразумию и не

изумляется той благоговейной покорности его, по которой он и в то время, как (отец) связывал его и возлагал на дрова, не испугался, не вскочил, не стал обличать отца, как бы сумасшедшего; напротив, позволил ему связать себя, вести и возложить на дрова, и все эго перенес молча, как какой-нибудь агнец или – лучше – как общий всех Владыка? И действительно, Исаак подражал Ему в послушании и кротости, и был образом Его,..».

В настоящее время учение о подражании Христу и святым в Русской Православной Церкви не является распространенным. Причиной этому является то, что в начале XIX века в российском обществе приобрела популярность книга католического мистика XV века Фомы Кемпийского «О подражании Христу», которая подверглась резкой критике со стороны свт. Игнатия Брянчанинова, который негативно относился ко всей западной духовности в целом как подверженной чувственности и самообольщению. Неприятие идеи подражания Христу присутствует в православном богословии XX века. В частности, один из крупных богословов прошлого столетия Х. Яннарас не допускал мысли о том, что «подражание Христа» совместимо с православной традицией. Вместе с личной набожностью, подражание Христу является для богослова морализмом, пиетизмом, фарисейством, коренящимися в католической и протестантской духовности. Ассоциирование подражания Христу с западными христианскими конфессиями привело отразилось в том, что тема подражания святым также потеряла свою значимость для российской теологии и церковной жизни. Результатом становится то, что в церковной жизни святые становятся существами, полностью отделенным по своему образу жизни (проживаю! в монастырях) от обычных верующих непреодолимой пропастью, и верующие могут только относиться с почтением к привязанной к монастырям жизни во Христе, но не подражать ей. Это понимание не соответствует представленному в посланиях апостола Павла учению о том, что связью являются примерами для всех верующих не своим образом жизни, а своей сопричастностью Христу. Эга сопричастность Христу (а не отдельно взятые нравственные подвиги и добродетели) и является предметом

подражания верующих святым. Таким образом, нравственное подражание неразрывно связано с мистическим и основывается на нём. Невозможно отделить христианские добродетели и нравственные ценности, говорить о вкладе святых в развитие общественной нравственности, не учитывая того факта, что одновременно их целью и средством является участие в Христовой жизни.

Во втором параграфе «Почитание святых в ранней Церкви: нравственно-педагогические аспекты» рассмотрено развитие представлений о святых. Первое письменное свидетельство о литургическом почитании святых относится к середине II в. и содержится оно в послании Смирнской церкви к христианской общине в Филомел и о мученичестве св. Поликарпа. Важным фрагментом в «Мученичестве св. Поликарпа» является указание на то, что Поликарп был двенадцатым по счету мучеником в Смирне, хотя «особенно вспоминают» (г.е. почитают) именно Поликарпа, «мученичеству которого, совершившемуся по Евангелию Христову, все подражать желают». При этом подражание мученику заключалось не только в самом факте преданности Христу, но и в заботе о благе ближних. «Потому что истинной и твердой любви свойственно желать спасения не себе только, но и всем братьям». Таким образом, помимо свидетельства о Христе подвиг мучеников имел нравственное назидательное значения, уча своим ярким примером христиан любви друг к Другу.

Выделение тел мучеников особым литургическим почитанием поэтому было укоренено не в каком-либо специфическом противопоставлении святых и обычных верующих, а в вере ранней Церкви, что в мученике особым образом явился Христос, свидетельствующий (parturīa) через него свою силу, и победу над смертью. Тело мученика – оставленное Церкви свидетельство и залог конечной победы Христа. Ранняя Церковь еще не знает особых ходатайственных молитв святых, поскольку Церковь и молилась за мучеников, и просила усопших обычных христиан молиться за живых. Церковь с почтением относилась к останкам мучеников, но вплоть до IV века нет никаких

свидетельств о том, что этим останкам приписывалась особая чудотворящая сила.

В XVIII-XIX веках историки видели в культе мучеников и святых поздней Античности и раннего Средневековья искажение христианства под влиянием языческих политеистических культов, в том числе культа предков. В связи с этим необходимо указать на принципиальные отличия между поклонением святым и языческими религиозными практиками с точки зрения их нравственного содержания.

1) В социальном отношении культ святых (которые до начала IV века были, как правило, мученики) не просто не был трансформацией языческих культов, а прямым опровержением той социальной дифференциации, на которых строились культы. Если в городских культах могли принимать участие только свободные мужчины – граждане города, то в праздниках святых принимали участия все члены городской или сельской общины, включая женщин и рабов, тем самым преодолевая социальные различия и демонстрируя равенство всех верующих. Для женщин, опутанных родственными узами и требованиями, почитание того или иного святого было пространством их духовной свободы, которое у неё нельзя было отнять. Как писал Амвросий Медиоланский, святые были единственной родней, которая была вольна выбирать женщина. Поклонение святым, когда «родство по добродетели» было более важным для межличностного общения, чем «кровные узы», имело освобождающее значение для личности в патриархальном обществе. Святые были универсальными примерами нравственности вне зависимости от социальной принадлежности их почитателей, формируя представление о безусловном достоинстве каждой человеческой личности, призванной к общению с Богом и Его святыми.

2. Связь между земным и небесным проходила через могилу святого, что невозможно было представить в рамках античной языческой культуры, которая основывалась на четком разделении души и тела. После смерти душа отбрасывала более ненужное тело и либо сходила в Аид, либо восходила на

Млечный путь (который считался дорогой к «островам блаженных» или самим местом упокоения душ). Существовавшие в греко-римском язычестве истории об исчезновении тел умерших подвергались критике со стороны просвещенных слоев. В то же время в христианстве на крайней мере с III столетия появляется представление о святых, чьи места погребения было местом встречи земного и небесного. Близость святого к верующим через мощи или просто места погребения имело то нравственное значение, о котором говорилось ранее, а именно, снижение дистанции между верующим и святым, которая способствовала усвоению евангельских нравственных норм как доступных каждому, верующих во Христа через сопричастность Ему.

Особое нравственное значение имели празднества, связанные с обретением и переносом мощей. Тот факт, что Бог позволил открыться новому святому или поменять место захоронения уже признанного святого, означало присутствие Его милости, а значит, продолжения действия Его нравственного закона. В этом отношении все святые, и не только мученики, являются «свидетелями», – а именно, свидетелями, подтверждающими живое и деятельное присутствие Бога с Его народом.

3. С конца IV века святые начинают выполнять роль покровителей («патронов») тех мест, в которых они жили, а также в которых находятся их останки. В отличие от культов и мест поклонения языческим богам, такое покровительство имело нравственное условие – очищение от фехов, исправление жизни, совершение дел милосердия. В тревожных условиях Великого переселения народов необходимость заступничества святых способствовала распространению начал христианской нравственной в обществе.

Основой для формирования представления о святых как о покровителях и заступниках служили социальные и духовные изменения, характерные для поздней Римской империи. Прежде всего следует отметить появление в поздней античности представления обо иерархическом устройстве вселенной и невидимом покровителе каждого человека. Речь идет о представлениях,

связанных с многоуровневостью человеческого «я», которое на своих высших уровнях приближается к божественному миру. В этой высшей точке находился невидимый защитник и спутник человека, – «даймоний», который «ведет» своего подопечного. Как писал римский историк Аммиан Марцеллин, «теологи утверждают, что всякому человеку при самом рождении независимо от ожидающей его судьбы дается такое божество как бы для того, чтобы направлять его поступки; являются же они в видимом образе лишь очень немногим, тем, кто выделились особенны и добродетелями». Коренным отличием христианских представлений от античных стало то, что святые не были безличной, хотя и связанной с конкретным индивидом космической силой, а исторически существовавшими людьми, чья дружба и покровительство распространяется на многих их почитателей.

Социальная история поздней Римской империи характеризуется развитием «патронажа» – системы личных связей между влиятельными особами и их клиентами, количество которых подтверждало уровень влиятельности патронов. Назначение на посты в правительстве и армии в огромной степени зависело от патроната, и влияние имело значение практически во всех сторонах жизни. В IV-V веках система патроната проникала во все сферы общества. Спасаясь от задолженности по податям и повинностям, от притеснения государственных чиновников, от военных погромов в ходе варварских нашествий, под покровительство «сильных» людей, военачальников, сенаторов-магнатов – отдавались отдельные крестьяне, ремесленники, куриалы, целые села и даже города. Как указывает П. Браун, христианство через установление почитания святых в качестве духовных «патронов» смогло выразить христианское мировоззрение в терминах, отражающих реальные социальные отношения и стряхнувших с себя архаический язык прошлых столетий, который сковывал более древних церковных авторов. Однако это не был прямой перенос «на небо» земной реальности: отношения покровительства святых задавали идеальную модель власти, действующую на принципах милосердия и справедливости.

Одним из первых изменение статуса святых зафиксировал бл. Августин. «Праведность мучеников совершенна, они достигли совершенства своим подвигом. Поэтому Церковь не молится за них. Она молится за других усопших верных: но она не молится за мучеников. Они вышли из мира сего ... совершенными... они ходатаи за нас». Как отмечает иером. Игнатий (Юрченков), происходит переход от почитания мучеников как славы Христа к ходатайственному почитанию святою, у которого начинают просить мирские блага – здоровья, детей, благополучного путешествия и т.д. В литургическом почитании акцент делается на прославление силы святого, описание и восхваление его чудес, на его отзывчивость и милосердие к обращающимся к нему, происходит разрыв между святыми и Христом, которую они отобразили в своей жизни.

Вторая глава «Святые как образцы нравственности в современном обществе» состоит из двух параграфов и посвящена обсуждению вопроса о том, в каком качестве святые могут сегодня являться примерами нравственного поведения.

Во втором параграфе «Зарубежные и отечественные дискуссии о нравственном значении святых» дан обзор современной литературы, посвященной обсуждению нравственным аспектам святости. Одним из первых авторов, изучавших данный феномен, был У. Джеймс. Он считал, что милосердие относится к основным характеристикам жизни святого независимо от религиозной традиции, в которой он живет. «Святой человек любит своих врагов и обходится с каждым нищим как со своим братом». Нравственное совершенство святых плохо сочетается с нравственным уровнем тех обществ, в которых они жили, и зло зачастую может быть обуздано только активным ему сопротивлением, но в этом мире жилось бы намного хуже, если бы у общества не было примеров милосердия, прощения и непротивления злу. Святые не являются непосредственными образцами должного поведения, но их присутствие является залогом наличие в обществе добра. Данное понимание может быть названо секуляризированной версией почитания святых как

свидетелей присутствия Божественного милосердия к людям, хотя У. Джеймс подчеркивал, что преданность святого другим людям происходит из его религиозной преданности.

Толчком для оживления научных дискуссий о значении святости на рубеже XX-XXI веков была статья Сюзан Вольф «Моральные святые». Под «моральным святым» Вольф понимала человека, у которого каждое действие является максимально благим с моральной точки зрения. Автор утверждала, что нравственное совершенство, в смысле моральной безгрешности, не является образцом личного благополучия, стремиться к которому было бы для человека рациональным или благим, или желательным. «Маниакальное» стремление к нравственному совершенству, ради которых «святые» отложили свои личные потребности и интересы, делает их для окружающих скучными и утомительными. Они «хорошие», но и только, они не являются для обычного человека привлекательными примерами. Кроме того, Вольф сомневалась, что стремление быть «хорошим» является хорошим с точки зрения этики. Ведь частью хорошей жизни являются также неморальные добродетели – более того, ни имеет нравственного значения большая часть человеческой жизни. Если кто-то хочет быть «хорошим» в моральном смысле этого слова, то никогда не сможет стать олимпийским пловцом, концертным пианистом или успешным ученым.

В работе Эдит Вышофод «Святые и постмодернизм» раскрывается моральная сила рассказов о жизни святых. Основа современной этики, согласно Вышогород, формируется моральными размышлениями, смоделированными по образцу естественно-научных теорий. В отличие от влияния на слушателей рассказов о святых, современная этика не имеет власти вообще, она не меняет нас и не превращает нас в других людей. Вышогород приходит к своей теории о нарративе (повествовании) как посреднике для нравственности. Вышогород рассматривает святых в контексте их полной открытости для Другого: святые живут этой открытостью Другому, необычайной нравственной чувствительностью к другим вплоть до очищения своего «я». Современному

обществу, указывает Вышгород, очень нужны святые и их жития, чтобы продолжать понимать, что такое человек в его зависимости от других и привлекательных для других. Святые играют важную роль в педагогике по отношению к человечности. При у Вышгород святость отделяется от религии как отдельное нравственное явление.

Историк религии Р. Адамс отмечал, что люди, которых привыкли называть святыми (Махатма Ганди, Франциск Ассизский), в реальности выглядят совершенно иначе, чем «моральные святые». Святые не всегда «хорошие», часто они суровые (для себя и для других), иногда противоречивые и невыносимые. Они знают радости, которые предназначены только для них. Они часто действительно неудобные, но редко скучные. Цель святых – не достижение морального совершенства, а развитие восприимчивости к бесконечной благодати Бога. Вообще, взаимоотношения с Богом – это главная особенность святости. Исток альтруизма святого - в том, что он посвятил себя Богу, позволил Божественной любви обладать им и через него светить другим людям. Религия богаче нравственности, потому что ее Божественный объект настолько богат. Бог не только законодатель морали, Он также любитель красоты. Если кто-то делает нравственность высшей целью в жизни, он впадает в идолопоклонство с религиозной точки зрения.

Католический писатель Р. Элсберг подчеркивал, что святые – это инициаторы и творческие модели святости, которая соответствует и является задачей каждой конкретной эпохи. Они создают новый стиль и доказывают, что христианская форма жизни и деятельности – действительно реальная возможность и что можно быть христианином даже в современных условиях. Святые – это те, кто каким-то своим особым образом воплощают вызов веры в их времени и месте. При этом они открывают путь, которым могут следовать другие. Предыдущие модели святости часто имели тенденцию подчеркивать аскетизм, отрицающий мир; сегодня нам нужны примеры дисциплины и самоотречения, которые служат миру и проявляют солидарность с страдающим человечеством. В традиционном списке святых преобладают

духовенство и религиозные деятели. Сейчас нужно уделять особое внимание свидетельству мирян, чье призвание – наполнить мир «духом Евангелия». Нам нужны примеры святости за пределами монастыря: святые, побуженные в миры искусства, литературы, в политическую борьбу и в повседневную жизнь. «Нам нужны святые для нашего времени». Для этого существуют религиозные причины. Если это правда, что Бог все чаще переживается как «отсутствующий», то святые – это те, которые заставляют людей ощутить Его присутствие.

Протестантский богослов Ф. де Ланге в своей статье, посвященной нравственному значению образа Дитриха Бонхёффера, указывал, что помимо религиозных мотивов необходимости святых в наше время также есть моральные причины. Мы живем в такое время, когда все больше и больше людей могут и должны формировать свою собственную индивидуальную жизнь. Традиционный образ жизни, включающий церковную этику и моральные ценности среднего класса, сегодня исчез в качестве чего-то предзаданного. Моральный и религиозный центр тяжести сместился от внешних институтов к субъективным решениям. Уже нельзя уклоняться от вопроса: кем я хочу быть? Современный, просвещенный ответ на этот вопрос – «быть автономным человеком», – это только начало ответа. Мы подражаем друг другу и являемся моделями и соперниками друг для друга. Как только мы осознаем эту основную антропологическую ситуацию, вопрос о том, должны ли мы иметь примеры, становится бессмысленным. У нас они есть. Вопрос в том, каковы наши примеры, кто является нашими героями и святыми.

В отечественной науке) воспитательному значению святых уделяется достаточно большое внимание. С.М. Кравченко и Е.А. Болотова, опираясь на тезис о том, что в усвоении ребенком социальных норм поведения и нравственных ценностей важную роль играет подражание, указывают на негативные последствия исчезновения из воспитательного процесса образов святых и героев. В рамках религиозного воспитания нужно заменять образы «лжегероев» образами истинных героев, которые направляют ребенка к

усвоению качеств настоящего человека, согласно замыслу Бога. Знакомство с житиями святых помогает ребенку лучше понять смысл основных христианских добродетелей. Д.В. Новиков акцентирует внимание на том, что образ святых является носителем духовно-нравственных ценностей, выразителем общенациональных идей добра, справедливости, милосердия, трудолюбия. Поэтому изучение житий способствует формированию у детей этих основополагающих ценностей. Через русскую святость ребенок приобщается к истории страны, к идеалам, ценностям, питающим ее веками, жизненному укладу. Л. Н. Урбанович рассматривает изучение житий святых в широком нравственно-педагогическом и культурологическом контексте. Автор предостерегает от превращения изучения жития в проповедь и морализаторство, либо в театр, демонстрирующий исторический спектакль, либо в этнокультурный музейный экспонат, относящийся к далеким временам, когда люди верили в Бога и были добродетельными. В связи с этим предлагается при отборе житийной литературе обращать внимание на наличие в житии святого нравственной проблематики, актуальной для современности, не затрагивая религиозную жизнь святого.

Н.И. Лихоманов затрагивает тему того, что возникновение стремления к нравственному совершенствованию при чтении житийной литературы возможно при условии соответствия предлагаемого житием поведенческого образца тому идеалу человека, который складывается у подрастающего ребенка в результате социально-культурного влияния. Если образ Александра Невского в современном обществе складывается прежде всего через его характеристики мужественного героя-воина и защитника Отечества, то необходимо найти пути соединения нравственных достоинств и качеств полководца Александра Невского в целостном образе православного святого. Аналогичная «героизация» святых не может не коснуться материалов о новомучениках, которые должны быть восприняты не как жертвы, страдальцы, а как носители высоконравственного и героического поведения.

Данный подход не может не вызвать возражения, поскольку он искажает

духовное значение мученичества как подражание невинным страданиям Христа. Героизм новомучеников заключался в их терпении, нежелании присоединяться к атмосфере насилия и ненависти. Недостатком подобной «героизации» святых является то, что в данном случае из преподавания исчезает большая часть христианских святых – пустынников, затворников, столпников, молчальников и юродивых, чьи «поведенческие образцы» не совпадают с представлениями современной молодежи.

С.Т. Ноюрелов считает, что классические формы житийной литературы не соответствуют восприятию современного человека, а морально устаревшие житийные тексты препятствуют раскрытию сокровищ русской святости. «Образ русского православного святого должен быть раскрыт – растущему человеку, как образ духовной мощи и способности противостоять миру, а не как умильный, принимающий смиренно все несправедливости мира в силу «пенсионной» немощи...» Русские православные святые – это лучшие люди России. Школьникам необходимо показать, что они действительно лучшие по уму, но талантам, по мужеству, по человечности, по духовной силе». Автор предлагает с помощью художественной литературы, художественных фильмов, основой которых является подвиг святых, формировать в юных душах высокие нравственные качества. «Любовь к Родине, уважение к старшим, забота о близких, трепетное отношение к окружающей среде, умение жертвовать собой ради высоких целей, уважение к вере отцов – все эти добродетели можно найти в каждом житии православных святых прошлого и новопрославленных святых». Очевидно непонимание автором того факта, что иногда противостояние неправде миру выражается в отказе говорить с миром на его языке насилия и господства, а активно бороться с тоталитарным режимом означать играть роль гладиатора на потеху публике. Победа святых над миром может проявляться спустя десятилетия и столетия после их подвига, который современному кабинетному ученому может показаться «пенсионной немощью».

Рассмотренные работы свидетельствуют о стремлении

рационализировать образ святого, вывести его за пределы религиозного контекста, либо но крайней мере наиболее ярких проявлений этого контекста (молитвенная жизнь, чудеса). Очевидно желание как светских, так и церковных авторов инструментализировать образ святого, превратить его в средство улучшения общественной нравственности или воспитания детей. В то же время через все приведенные рассуждения (кроме С. Вольф) красной нитью проходит общее мнение о том, что современное общество нуждается в святых, и рассказывать об этих святых нужно по-новому. Социальные и культурные условия, в которых мы живём, требуют нового подхода к пониманию святости и почитания святых, но этот подход для российского общества должен корениться в предании Православной Церкви, которое, как указано выше, содержит в себе то измерение святости, которое связано с тем, что святой является свидетелем живого присутствия Бога в мире и Божественной милости к миру. Подражая святым, верующие подражают не их добродетелям как таковым, а в стремлении святых к источнику святости – Сыну Божьему Иисусу Христу.

Во втором параграфе «Образ святого и Божественное присутствие в мире» предлагаются возможные направления нравственного воздействия образа святых, которые соответствуют следующим критериям:

Для того, чтобы эта форма нравственного воздействия святых соответствовала современным социальным и культурным условиям, она должна соответствовать следующим критериям. Во-первых, должен быть представлен реальный (а не «лубочный» или «глянцевый») образ святого во всей сложности его внутренней жизни. Во-вторых, в этом образе должно быть отражено одно из основных проявлений Божественной милости к людям – прощение грехов в ответ на покаяние. В-третьих, спектр форм святости должен говорить на равных с современным разнообразием жизненных практик. В-четвертых, необходимо такое понимание святости, которое не создает пропасть между святыми и обычными людьми, а показывает всю лестницу постепенных переходов от более низких форм святости к более высоким.

Исходя из этих критериев можно предложить три направления раскрытия нравственного значения святых.

Внутренняя **жизнь** святого. Покаяние и прощение. В начале XXI века большой успех получил фильм П. Лунгина «Остров», где главным героем был не великий государственный деятель или бесстрашный герой меча или праведности, а кающийся грешник, долгие годы несущий вину за трусливое предательство, совершенное в далекой молодости, и через своё раскаяние получивший благодатных даров. Этот успех говорит о том, что привлекательный образ святого – это не носитель «духовной мощи» и высоких ценностей, а тот, кто обратился от своих грехов и ошибок к Богу, и Бог принял его, стерев его грехи. Каждый достаточно взрослый человек нуждается не только в позитивных примерах нравственного поведения, но и в надежде на то, что всегда есть шанс, что прежние проступки, грехи, ошибки или даже преступления могут быть прощены и забыты Богом, и всегда есть возможность нового рождения в покаянии и исправлении. В образе святых, посвятивших свою жизнь не просто служению другим, но своему покаянию *через* служение другим, и получившим в знак прощения благодатные дары, человек уповает на победу Бога над неумолимо преследующим человека прошлым, окончательная победа над которым произойдет после Страшного Суда, когда времени (а значит, и необратимого прошлого) больше не будет (Откр. 10:6). Если при обращении с образами святых как нравственных примеров исключать аспект покаяния (который, безусловно, целиком относится к религиозной сфере), то можно прийти к тому, что святые превратятся в нереальных, сказочных персонажей, и сила убедительности их примеров будет в значительной степени нивелирована.

Ярким примером внутренней честности является св. нрав. Иоанн Кронштадтский, чьи дневники показывают его многолетнюю борьбу с мелкими страстями и пристрастиями, а также некоторыми приземленными чертами своего характера. В этих текстах, в отличие от знаменитой книги «Моя жизнь во Христе» много такого, что нельзя назвать возвышенным и духовным, но в

этом и заключается их нравственная ценность, поскольку «изнутри» жизнь святого отнюдь не овеяна лучами святости, а является часто столь же обыденной, как и жизнь обычного человека. Обращение к примеру этих дневников может иметь большое воспитательное значение, во-первых, тем, что показывает «обычность» и доступность святости, которая может сопровождаться погруженностью в житейские заботы, и, во-вторых, безусловной честностью и скромностью святого, на самокритичность которого нисколько не повлияло внешнее почитание, которые послужили почвой для того, чтобы Бог являл Свое присутствие верующим именно через этого человека.

В современном обществе, построенном на постоянной рекламе, пиар-технологиях, воспитанию умения «подать себя», а также так называемой «постправде» со стороны политиков и государственных деятелей, попыток навязать пиар-технологии Церкви, внутренняя честность и скромность свободы от привязанности к земному, носителями которой были святые, является крайне востребованной и ценной добродетелью, привитие которой, на наш взгляд, способно повысить доверие людей друг к другу, а также освободить место для явления Божественной милости. При этом важно избегать при обращении к внутреннему миру святого его профанации, переносу мыслей и мотивов современного человека, избыточного психологизма.

Многообразие путей к святости. Современное общество с точки его информационной структуры принято называть «сетевым», его основой являются прямые горизонтальные взаимосвязи элементов друг с другом (в отличие от иерархического общества). С увеличением количества профессий, информационных потоков, окружающих человека, возрастает разнообразие жизненных путей и, соответственно, жизненного опыта, который ставит перед человеком различные вопросы в его общении с Богом. Как указывал Ч. Тейлор, сегодня христианам приходится иметь дело с тем, что такие понятия, как ад и гнев Божий, представляются чем-то туманным, если вообще можно говорить о том, что люди понимают, что имеется в виду. Тейлор предлагает

переопределение новозаветного понятия «общение святых», которое он понимает не как общение Церкви земной и Церкви небесной или общение достигших совершенства людей, которые оставили все свои недостатки где-то в прошлом, а скорее общение жизненных путей к Богу. «Такой путь во всей полноте есть то, о чем мы постоянно вспоминаем, пересказывая жизнеописания святых. Он включает в себя даже моменты предательства, как сообщает евангельская история, повествуя об отречении Негра от Христа. Но Бог устроил так, что глубокая скорбь, которую он ощутил, когда пропел петух, стала шагом к его апостольской жизни после Пятидесятницы. Бог сделал даже это прискорбное событие первым шагом к святости, и в этом смысле оно в полной мере принадлежит к его жизни в святости». Из исторического социального, культурного и экономического порядка с его добром и злом, в котором оказался человек, он должен найти соответствующий эпохе путь к порядку Бога – найти и показать его другим.

При выборе образов святых, наиболее соответствующих нравственным условиям современности, не обязательно выбирать соотечественников и земляков, живших в недавние десятилетия и столетия, поскольку ответ на духовные задачи современности могут дать самые далекие по времени, пространству и образу жизни святые. Обращение к их примерам в рамках нравственно-воспитательного процесса может способствовать развитию нравственной проницательности, способности выявления одинаковых жизненно важных проблем в различных культурных и исторических условиях. Общим мировоззренческим контекстом, который не позволяет изучению этических норм других эпох свестись к этическому релятивизму, является стремление к воплощению в своей жизни Божественной воли и подражание Христу, – то, что объединяет христианских святых всех народов и времен. Важным нравственным уроком, который дает указание на многообразие форм святости, является то, что Бог может явить Своё присутствие не только в предусмотренных агиографических канонах образах жизни, связанных с монашеством и священством, но и во многих других, не связанных с

совершением іреха.

Степени святости. В Евангелии от Иоанна содержатся слова Иисуса Христа, сказанные Им на Тайной вечере апостолам: «В доме Отца Моего обителей много» (Ин. 14:2). По словам Исаака Сирина, «многими обителями» называются различные меры разумения водворяемых в оной стране, то есть отличия и разность духовных дарований. По словам святого, после завершения земной истории праведники получают не одинаковое вознаграждение, а в зависимости от меры каждого. Речь идет не о различных «наградах» в зависимости от «заслуг» святых, а о том, какую степень благодати святые смогут вместить, очистив себя в земной жизни.

Данную мысль развивает один из выдающихся духовных писателей XX века. Н.Е. Пестов в своем труде «Современная практика православного благочестия». Пестов отмечал, что в Священном Писании, у св. отцов и в церковном лексиконе имеется ряд наименований для разных степеней спасения и святости и приводил наиболее часто используемые, оговаривая при этом, что самих степеней спасения нет числа. Также Николай Евграфович предупреждал, что нельзя думать, что наименования ступеней спасения и святости можно расположить точно в какой-то правильной очередности.

Находящихся на самой первой ступени спасения можно назвать «помилованными» в соответствии с евангельскими Заповедями блаженства: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5:7). Люди, проявившие в какой-то мере милосердие к ближним, могут войти в Царство Небесное, но говорить с уверенностью о достижении ими полноты блаженства в Царстве Небесном нельзя.

Находящихся на второй ступени спасения Священное Писание называет «спасшимися». «У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня» (1 Кор. 3:14-15). Для этой группы верующих характерно их стремление послужить Господу, хотя это стремление не всегда воплощается в делах, либо воплощается искаженным образом. По словам Н.Е. Пестова, в категории

человеческих душ, достигающих Царства Небесного – «спасшихся» – имеется большое различие. Одни из них непосредственно «получают награду», а другие достигают спасения, пройдя предварительно через какие-то испытания или страдания, которые апостол уподобляет «огню».

Третья ступень – «омытые» или «очищенные». «Омытому нужно только ноги умыть» (Ин. 13:10); «вы уже очищены через слово, которое **Я** проповедал вам» (Ин. 15:3). Однако, это очищение от страстей и внутренней привязанности к земному не означает совершенство в добродетели и стойкость в вере: апостолы Иоанн и Иаков проявляли жестокость (Лк. 9:54), тщеславие и желание отличиться (Мф. 20:20-21), после Тайной вечери ученики оставили Иисуса Христа в Гефсиманском саду, а апостол Петр отрекся от своего Учителя. То есть очищение не означает полноты развития Христовой любви.

Причем, по мнению Н.Е. Пестова, даже омытие грехов свою кровью при мученической смерти не компенсирует недостаток добродетели. Он приводит рассказ о душе одной девушки, пострадавшей на земле за Церковь. Явившись во сне своей подруге, она говорила: «Мне хорошо. Но я знаю теперь и о более высокой степени блаженства праведников. Однако я не могу быть принятой в их обители: у меня не хватает цветов добродетелей».

На четвертой ступени располагаются «просвещенные». Обращаясь к христианам в Риме, ап. Павел пишет: «Вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий» (Евр. 10:32). Здесь потому можно говорить уже про значительные подвиги христианина – длительных страданий во имя Христа, либо длительного подвига благочестия.

Следующая, пятая ступень представлена тема, кого принято называть «святыми» в узком смысле слова, а также «праведниками». «Праведный да творит правду еще, и Снятый да освящается еще» (Откр. 22:11). Если воспринимать данный стих не в качестве выражение библейского параллелизма, то можно прийти к выводу, что Священное Писание различает понятия «творить правду» и «освящаться». Н.Е. Пестов предполагает, что первое относится к внешним, волевым подвигам христианина, а второе к

очищающей и освящающей душу благодати, дарующей душе драгоценные христианские добродетели. На этой ступени происходит стяжание благодатных даров Святого Духа и даруются и особые возможности служения через дары исцеления болезней, изгнания бесов, прозорливости и пророчеств.

Шестая ступень – «великие святые». Немногие достигают этой ступени – ступени бесстрастия. Как говорил при. Симеон Новый Богослов: «Святых много, а бесстрастных немного, и в среде тех и других имеет место великое различие». Здесь нужны великие подвиги, выполняемые ради Христа, и соучастие в Христовых страданиях, в подражание апостолу Павлу, который пишет: «Восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол. 1:24). Эти святые обладают и высокими духовными дарами, и соучаствуют со Христом в устройении Его Церкви.

Седьмая ступень – «богоподобные и божественные». «Уподобление Христу может быть и большим и меньшим, но пределов этому уподоблению не положено; так непостижимо велико призвание человека; он воистину становится подобием Богу». Для этой очень немногочисленной группы из великих святых характерно достижение полноты бесстрастия, наличие полного расцвета всех добродетелей христианских и необычайных трудов по их достижению. Здесь также характерным являются великие труды за дело Христово и претерпевание гонений за Него, т. е. высокая степень соучастия с Господом при перенесении «скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол. 1,24).

Наличие различных ступеней (или степеней) святости означает, что Божественная милость и присутствие являются человеку не только на высших ступенях святости, прославляемых всей Церковью, но и на тех ступенях, которые могут остаться невидимыми для окружающих и даже для самого человека. Тогда прославленные святые из недостижимых вершин святости превращаются в спутников, идущих по одной дороге с остальными верующими и приглашающими ускорить движение, чтобы догнать их.

Предложенные примерные направления и формы раскрытия образа

святых соответствует новозаветному учению о подражании святым как части подражания Христу, а также почитанию святых как свидетелей присутствия Бога, Его милости и благодатных даров в каждом человеческом поколении, и поэтому, на наш взгляд, смогут выполнить задачу возрождения практики обращения к нравственному значению святых – во всей полноте их религиозной жизни, – в современном обществе.

В Заключении подводятся итоги исследования и формулируются его основные выводы и положения.

Список использованных источников содержит 60 источников, в том числе 8 на английском языке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Амвросий Медиоланский. О девстве и браке / Амвросий Медиоланский. – Казань: Типография Императорского Университета. – 270 с.
- 2 Аммиан Марцеллин. Римская история / Аммиан Марцеллин. – М.: АСТ: Ладомир, 2005. – 631 с.
- 3 Бальтазар фон, Х.У. Теология истории / Х.У. фон Бальтазар. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 136 с.
- 4 Гиббон, Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи. В 7 т. Т. 3 / Э. Гиббон. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 624 с.
- 5 Глубоковский, Н.Н. Св. апостол Павел и неканоническая книга Премудрости Соломоновой / Н.Н. Глубоковский // Христианское чтение. – 1903. – № 8. – С. 129-160.
- 6 Голдсуорти, А. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи / А. Голдсуорти. – М.: АСТ, 2014. – 733 с.
- 7 Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы / У. Джеймс; пер. с англ. В.Г. Малахиевой-Мирович, М.В. Шик; под ред. С.В. Лурье. – М.: Академический проект, 2017. – 415 с.
- 8 Игнатий (Юрченков), иером. Христоцентрический смысл почитания или освячительно-ходатайственный характер почитания [Электронный ресурс] / иеромонах Игнатий (Юрченков) // Санкт-Петербургская духовная академия [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://spbda.ru/publications/ieromonah-ignatij-yurchenkov-pochitanie-svyatyh-v-hristianskoj-cerkvi/> (дата обращения 27.11.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 9 Ильюнина, Л. О святости / Л. Ильюнина. – М.: Паломникъ, 2003. – 259 с.
- 10 Иноземцева, З. Жития новомучеников и исповедников как источник знания о человеке России» / З. Иноземцева // Развитие личности. – 2014. – № 4. – С. 142-162.

- 11 Йегер, В. Пайдейя. Воспитание античного грека. В 2 т. Т. 1. / В. Йегер. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. – 608 с.
- 12 Канонизация святых в Русской Православной Церкви. Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых, на церемонии открытия XII Рождественских чтений [Электронный ресурс] / митрополит Ювеналий (Поярков) // Московская патриархия РПЦ [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://mospat.ru/archive/2004/01/27333/> (дата обращения 27.11.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 13 Кравченко, С.М. Значение образа святых в формировании духовно-нравственного облика ребенка / С.М. Кравченко, Е.А. Болотова // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. – 2016. – Вып. 3 (43). – С. 36-44.
- 14 Лихоманов, Н.И. Использование жизнеописаний новомучеников для духовно-нравственного чтения / Н.И. Лихоманов // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 346-350.
- 15 Лопухин, А.П. Толковый Апокалипсис. Откровение святого Иоанна Богослова и самые авторитетные толкования от древности до наших дней / А.П. Лопухин. – М.: Эксмо, 2016. – 384 с.
- 16 Сенека, Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / Луций Анней Сенека. – М.: Издательство «Наука», 1977. – 386 с.
- 17 Майстренко, А.И. Изучение биографий сибирских святых как один из способов духовно-нравственного воспитания на уроках модуля «Основы православной культуры» / А.И. Майстренко // Педагогика. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 1. – С. 75-78.
- 18 Макаренко, Е.К. Анализ рецепции детской современной агиографической литературы рядовым читателем подросткового возраста. Часть 1. Исследование горизонта читательских ожиданий / Е.К. Макаренко //

- Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – С. 185-193.
- 19 Макаренко, Е.К. Жанровые модификации современных агиографических произведений для детей / Е.К. Макаренко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 10 (163). – С. 157-165.
- 20 Маленко, С.А. От культа предков к культу мощей: ментальная драматургия иноческой Самости» / С.А. Маленко // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – № 90. – С. 95-98.
- 21 Некита, А.Г. Политико-идеологические сублимации самости в православном культе святых мощей / А.Г. Некита // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – № 90. – С. 101-104.
- 22 Неронова, В.Д. Поздняя Римская Империя (III-V вв.) / В.Д. Неронова // История Древнего мира. Упадок древних обществ. – М.: Знание, 1983. – С. 221-239.
- 23 Новиков, Д.В. Ценностный аспект образа святого в житийной литературе / Д.В. Кравченко // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – № 4. – С. 144-148.
- 24 Отцы и учителя Церкви III века. Антология. В 2 т. Т. 2. – М.: Либрис, 1996. – 464 с.
- 25 Пестов, Н.Е. Современная практика православного благочестия. В 2 т. Т. 2. / Н.Е. Пестов. – СПб.: Сатисъ, 1999. – 664 с.
- 26 Петр и Феврония – семья небесная [Электронный ресурс] // Союз православных женщин [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: союзправославныхженщин.рф/articles/1363169604 (дата обращения 27.11.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 27 Пешкова, Т.В. Теологическая самоидентификация: святой. Начало пути / Т.В. Пешкова, Т.В. Быкова // Известия Иркутского государственного

- университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 7. – С. 141-147.
- 28 Пешкова, Т.В. Феномен святости: методологический аспект / Т.В. Пешкова, Т.В. Быкова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 11. – С. 182-189.
- 29 Писания мужей апостольских. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. – 672 с.
- 30 Плотин. Третья эннеада / Плотин. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2004. – 480 с.
- 31 Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. Т. 1. / Плутарх. – М.: Наука, 1994. – 706 с.
- 32 Погорелов, С.Т. Образы святых в духовно-нравственном воспитании современных школьников [Электронный ресурс] / С.Т. Погорелов // Просветительский центр [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: http://www.prosvetcentr.ru/Ask_to/article/articl.php?id_site=1&id_article=110&id_page=30# (дата обращения 27.11.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 33 Исаак Сириин, прп. Слова подвижнические / преподобный Исаак Сириин. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2008. – 635 с.
- 34 Макарий Египетский, прп. Духовные слова и послания. Собрание типа 1 (Vatic, graec. 694) / преподобный Макарий Египетский. – М.: Индрик, 2002. – 1056 с.
- 35 Редин, Н.А. Что такое богословие подражания Христу? / Н.А. Редин // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2018. – Т. 19. – Вып. 2. – С. 128-135.
- 36 Рой, Г., прот. Почитание святых в доникейский период / протоирей Г. Рой // Труды Минской духовной академии. – 2012. – № 10. – С. 194-202.
- 37 Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание творений. В 8 т. Т. 1. / святитель Игнатий (Брянчанинов). – М.: Паломник, 2011. – 656 с.

- 38 Афанасий Великий. Творения, свт. В 4. Т. 3. / святитель Афанасий Великий. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1903. – 524 с.
- 39 Святые благоверные князь Пётр и княгиня Феврония, Муромские чудотворцы, покровители брака. Житие. Акафист / сост. Калинина Г.В. – М.: Лепта Книга, 2013. – 48 с.
- 40 Иоанн Златоуст, свт. Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Том VIII. Беседы на Первое послание к коринфянам. Толкование на Второе послание к коринфянам. Толкование на послание к Галатам / святитель Иоанн Златоуст. – М.: Ковчег, 2006. – 912 с.
- 41 Семенко, В. Большая ложь Павла Лунгина [электронный ресурс] / В. Семенко // Русская народная линия. 2009. 27 ноября. 5 [Электронный ресурс]: [сайт]. - URL: http://ruskline.ru/analitika/2009/11/27/bol_shaya_lozh_ravla_lungina/ (дата обращения 27.11.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 42 Симеон Новый Богослов. Слова и гимны. В 3 кн. Кн. III / Симеон Новый Богослов. – М.: Сибирская Благовонница, 2011. – 759 с.
- 43 Скобелев, М.А. Введение в Учительные книги Ветхого Завета: учебное пособие / М.А. Скобелев, И.А. Хангиреев. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – 368 с.
- 44 Софроний (Сахаров), схиархим. Преподобный Силуан Афонский / схиархимандрит Софроний (Сахаров). – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2011. – 528 с.
- 45 Тейлор, Ч. Секулярный век / Ч. Тейлор. – М.: ББИ, 2017. – 967 с.
- 46 Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. В 7 т. Т. 3.: Исторические книги; Учительные книги / под редакцией А.П. Лопухина. – М.: ДАРЪ, 2009. – 960 с.
- 47 Урбанович, Л.Н. Интеграция агиографической литературы в содержание образования как ресурс духовно-нравственного воспитания школьников / Л.Н. Урбанович // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. – 2018. – Вып. 48. – С. 9-18.

- 48 Фома Кемпийский. О подражании Христу / Фома Кемпийский. – Брюссель: Издательство «Жизнь с Богом», 1993. – 368 с.
- 49 Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. Т. 2. / Ф. Шафф. – СПб.: Библия для всех. – 589 с.
- 50 Ширко, О.А. PR-аспект в вопросах актуализации роли православных традиций в современном обществе / О.А. Ширко // Социологический альманах. – 2015. – №7. – С. 253-260.
- 51 Шмеман, А. Исторический путь православия / А. Шмеман. – М.: Паломник, 2007. – 399 с.
- 52 Якушев, Д. Страсти по «Острову» [Электронный ресурс] / Д. Якушев // Лефт.Ру. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://left.ru/2006/18/yakushev152.phtml> (дата обращения 27.11.2018). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 53 Barsanuphius and John. Letters. In 2 vol. Vol. 2 (Fathers of the Church Patristic Series. Vol. 113) / Barsanuphius and John. – Washington, DC: The Catholic University of America Press, 2006. – 344 p.
- 54 Brakke, D. Athanasius of Alexandria and the cult of the holy dead / D. Brakke // Studia Patristica. – Vol. 32. – Louvain: Peeters, 1997. – P. 12-18.
- 55 Ellsberg, R. All Saints: Daily Reflections on Saints, Prophets, and Witnesses for Our Time / R. Ellsberg. – New York: Orbis Books in Maryknoll, 1997. – 608 p.
- 56 Lange de, F. Saint Bonhoeffer? Dietrich Bonhoeffer and the Paradox of Sainthood / F. de Lange // Zeitschrift für dialektische Theologie. – Vol. 37 (2002/3). – P. 245-269.
- 57 Rollason, D. Early Medieval Europe 300-1050: The Birth of Western Society / D. Rollason. – London and New York: Routledge, 2012. – 416 p.
- 58 William, J. The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature / J. William. – New York, London, Bombay, Calcutta, and Madras: Longmans, Green, And Co, 1917. – 568 p.

- 59 Wolf, S. Moral Saints / S. Wolf // The Journal of Philosophy. – Vol. 79. – No. 8 (Aug., 1982). – P. 419-439.
- 60 Wyschogrod, E. Review of Saints and Postmodernism: Revisioning Moral Philosophy / E. Wyschogrod. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1990. – 298 p.